

ных, и праведных, и постоянных, а непородных честию... чтоб судили праведно".¹

Можно было бы еще продолжить сопоставление установок подделанной „речи“ и „обличительных тетрадей“ Авраамия, анализ текста которых, как устанавливает Н. В. Устюгов, приводит к выводу, что они „являются памятником борьбы с теми новшествами, которые нарушали привычные московские порядки“.² Но и сказанного уже достаточно для того, чтоб утверждать, что оба памятника близки по духу и содержанию. Они характеризуют ту внутреннюю борьбу, которая происходила в кругах господствующего класса в самом конце XVII века.

Хочется только подчеркнуть еще один небезынтересный момент. Из допроса членов кружка Авраамия выяснилось, что маневры войск в 90-х годах вызывали у них особенное негодование. Они с возмущением говорили о „потехах непотребных под Семеновском и под Кожуховым, для того что многие были биты, а иные и ограблены“.³

Дворцовые разряды донесли до нас известие, отмеченное под 1691 годом: „Нынешнего 200 году, октября в 6 день, велено окольному Семену Семеновичу Колтовскому быть в походе в селе Семеновском. И он, окольный, будучи в том походе... их государскому указу учинил непослушание многое и противность. И октября в 18 числе... самодержавцы указали: за ту его вину и ослушание честь у него окольность — отнять и написать его с городом по Лебедяни в дети боярские, чтоб на то смотря, иным его братье неповодом было так делать“.⁴ Так оборвалась служебная карьера С. С. Колтовского. Собранные нами сведения по его биографии раскрывают лицо типичного представителя феодального класса второй половины XVII века и подтверждают наш вывод о подделке им известий Хрущевской Степенной книги.

Сын незначительного дворянина,⁵ С. С. Колтовской начал свою службу в 1641 году,⁶ молодым человеком, как это повсеместно наблюдается в ту эпоху. Он участвовал, по собственным его словам, „в походах в летних и в зимних, и з бояры и воеводы во многих посылках был“.⁷

Однако, насколько это позволяют судить имеющиеся у нас в распоряжении документы, служба С. С. Колтовского была по своему характеру преимущественно придворной. „Живу я, холоп твой, при

¹ См. Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 152.

² Рецензию Н. В. Устюгова на VI том „Исторического архива“ см. в „Вопросах истории“ (1951, № 10, стр. 128—131).

³ См.: М. М. Богословский. Петр I. ОГИЗ, 1940, стр. 385. Один из участников кружка Авраамия подьячий Н. Кренин показал, что, будучи на потехах, от „разных чинов людей слышал такие слова, которые в тетрах написаны (царь „уклонился в потехи, оставя лутшее, начал творити всем печальное и плачевное...“); см. допрос от 9 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 174.

⁴ Дворцовые разряды, т. IV, стр. 613. Первоначальная редакция этой записи, сделанная рукой боярина Т. Н. Стрешнева, предусматривала, очевидно, обычный для таких случаев вариант: „А будет он, Семен, в город (Лебедянь, — А. В.) не поедет: скажет болен — и ево вывести в телеге и, выняз ис телеги, указ великих государей сказать, каков писан выше сего“ (ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, Московский стол, табл. № 946, ч. 3, л. 15).

⁵ Семена Игнатьевича Колтовского. См. о нем: Дворцовые разряды, т. II, ст. 87, 416, 610, 827, 860, 865, 952.

⁶ Челобитная С. С. Колтовского, поданная в мае 1676 года с просьбой о назначении его воеводой в г. Козлов (ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, Приказный стол, табл. № 1431, л. 7).

⁷ Там же.